

В этом контексте и следует рассматривать эволюцию и постепенное угасание черт традиционной местной славянской культуры. Но, повторяем, этот вопрос нуждается в специальном исследовании и в этом смысле работы, подобные работе А. Е. Супруна, открывают перед этнографами новые дополнительные возможности исследования.

С. Э. Бокариус

Примечания

¹ Супрун А. Е. К определению знаний полабским языком. // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. Тезисы конференции. М., 1975. С. 42—46; *его же*. Лексическая типология славянских языков. Минск, 1983; Супрун А. Е., Калюта А. М. Введение в славянскую филологию. Минск. С. 99—105.

² Саливон А. Н. Самосознание ободритов (К вопросу о формировании ободритской раннефеодальной народности) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 130—145; Санчук Г. Э. Особенности формирования этнического самосознания у полабских славян (VI—X вв.) // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 195—212; *его же*. Формирование государственности и раннефеодальной народности у сорбов // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 97—105.

³ Olesch R. Thesaurus linguae Dravaeno polabicae. Köln, Wien. Böhlau Verlag, 1983—1987. Т. 1—4; См. также рец. Супрун А. Е. Reinhold Olesch. Thesaurus linguae dravaenopolabicae // Советское славяноведение. М., 1986. № 4. С. 114—117.

⁴ Herrmann J. De slaven in Deutschland Berlin. Akademie-Verlag, 1985.

НАРОДЫ АФРИКИ

К. П. Калиновская. Скотоводы Восточной Африки в XIX—XX вв. Хозяйство и социальная организация. М., 1989, 256 с.

Народам Восточной Африки посвящена огромная литература. Тем не менее, многие проблемы этнографии этого крупного региона африканского континента остаются недостаточно исследованными, и прежде всего — специфика традиционных обществ скотоводов и полупоселых земледельцев.

Понятие «традиционное общество» не однозначно и трактуется исследователями по-разному. В интерпретации К. П. Калиновской оно «включает в себя, с одной стороны, определение качественного, формационного докапиталистического уровня развития народа, а с другой — характеризует исторический этап его существования по хронологическому признаку: доколониальное и колониальное время» (с. 5). В принципе такого рода точка зрения не вызывает особых возражений, однако, как представляется, нуждается в некотором уточнении. Ограничиваясь только фактами, приведенными в книге, можно видеть, что, во-первых, речь идет не просто об обществах, стоящих на докапиталистическом уровне социально-экономического развития, а об этносоциальных организациях, не достигших состояния развитых классовых отношений, т. е., стоящих на предклассовой или раннеклассовой стадии. Во-вторых, и это тоже ясно видно из данных, приводимых К. П. Калиновской, существование «традиционных обществ» едва ли ограничивается колониальной эпохой, поскольку они, в более или менее пережиточном виде, сохраняются и до наших дней.

К. П. Калиновская впервые в африканистике рассмотрела традиционные общества скотоводов Восточной Африки как систему взаимосвязанных элементов в ее исторической динамике. Автор сумел это сделать, проведя тщательный анализ очень большого эмпирического материала (охвачено около 50 этносов), а также дав критическую оценку теоретических взглядов своих предшественников. Книга интересна тем, что практически по каждой из исследуемых общих и частных проблем К. П. Калиновская высказывает собственные суждения и приходит к новым выводам. В одних случаях они более, в других менее убедительны, но всегда дают интенсивный импульс к размышлениям. Ряд вопросов, касающихся номадизма, становления полукочевых и оседлого хозяйства, динамики общественных отношений поставлены впервые, а предложенные решения могут составить основу для дальнейших исследований и дискуссий.

К. П. Калиновской удалось проследить на значительном хронологическом отрезке времени судьбы кочевых, полукочевых и пастушеских народов Восточной Африки, начиная от появления первых о них достоверных свидетельств, и до конца колониальной эпохи, когда значительная часть подвижных скотоводов стала переходить к полупоселдому, а затем к оседлому земледелию. Исторический подход позволил выявить конкретные изменения в хозяйственной деятельности и социальной организации, в том числе в специфическом социальном институте возрастных классов и племенной организации, а также показать эволюцию социальной роли скота.

Нельзя не подчеркнуть, что исследуемые автором проблемы истории и этнографии традиционных обществ Восточной Африки имеют не только академический интерес, но и непосредственно связаны с актуальными вопросами политики, экономики и культуры современных государств Восточной Африки. Особенно остро стоит проблема интеграции кочевого скотоводческого населения, экономика и социальные отношения которого уже длительное время находятся в кризисном состоянии. К. П. Калиновская показала конкретный механизм адаптации традиционных обществ к изменившимся условиям жизни. Только такие глубокие исследования социально-экономических процессов и закономерностей, свойственных традиционным обществам, выводы о путях и направлениях их исторического развития, могут стать надежной основой для выработки конструктивной внутренней политики и выбора эффективных методов экономического и культурного развития.

Важной особенностью рассматриваемой работы является постоянное стремление ее автора к сопоставлению восточно-африканского скотоводства с азиатским (как наиболее изученным) для выявления, с одной стороны, его специфики, а с другой — общих черт в хозяйственной и социальной сферах. На этом пути сравнительно-исторического исследования перед автором возникло множество препятствий. Главная трудность связана с ограниченностью, а часто и недостаточной достоверностью фактического материала, относящегося как к далекому прошлому, так и к современности. В какой-то степени автор удачно восполняет некоторые пробелы собственными наблюдениями над скотоводами Эфиопии, а также путем привлечения большого сравнительного материала по другим регионам Африки и Средней Азии, где К. П. Калиновской довелось изучать ряд скотоводческих народов.

Интересен историографический раздел, в котором автор показывает этапы формирования научной традиции изучения народов Восточной Африки, начиная с трудов Г. Кунова, И. Дриберга, Г. Шурца, Г. Вебстера, и вплоть до новейших работ, а также обозначает круг дискуссионных вопросов. Рассматриваются история открытия и исследования института возрастных классов, попытки выявления культурных «кругов», «зон», «ареалов». При этом, критикуя те или иные положения зарубежных авторов, К. П. Калиновская отдает должное их несомненным заслугам и очень тактично высказывает возражения, основывая свои суждения прежде всего на учении о хозяйственно-культурных типах. Убедительно обоснован и несомненный вклад советских ученых в исследование различных проблем, связанных с этнографией региона.

Пристального внимания и одобрения заслуживает первая глава «Хозяйство». В ней детально рассмотрены процессы жизнеобеспечения как скотоводов, целиком добывающих средства к существованию посредством экстенсивного пастбищного скотоводства, так и земледельцев, еще в значительных размерах занимающихся отгонным пастушеским скотоводством. При этом автор не ограничивается описанием хозяйственных процессов, что само по себе представляет немалый интерес, но и предлагает неординарные решения ряда теоретических проблем.

Так, К. П. Калиновская обращается к давно обсуждаемой проблеме типологии скотоводческих обществ и классификации скотоводческого хозяйства. Достаточно убедительно она показывает, что практически все существующие типологии и классификации основываются главным образом на частных признаках, т. е. для них не характерна системность подхода к обществу в целом. Автор отмечает, что исследовались и классифицировались не общества как функциональные социально-экономические и культурные комплексы, а способы хозяйствования, включая степень подвижности, направления и расстояния кочевания, виды скота и некоторые элементы материальной культуры (наличие постоянных построек и т. п.). Способы ведения экстенсивного пастбищного хозяйства во многом сходны или даже порой идентичны у номадов, трансгуманс и народов, занимающихся отгонным скотоводством. Поэтому попытки построения классификаций только по хозяйственным признакам, делают их чрезвычайно дробными, локальными, не дают возможности выявить принципиальные различия между представителями разных ХКТ и разными обществами. В связи с этим следует, как убедительно показывает К. П. Калиновская, учитывать всю совокупность признаков социально-экономической структуры общества, начиная от сферы хозяйственной деятельности до общественной организации, всего комплекса социальных отношений и культуры. Только такой подход, как справедливо отмечает автор рассматриваемой книги, позволяет найти фундаментальные различия между номадами — кочевыми и полукочевыми скотоводами — и полуседлым и оседлым населением, занимающимся, как и номады, экстенсивным пастбищным скотоводством. При этом, подчеркивает автор, если первые составляют более или менее самостоятельные социальные организмы, даже при условии их политического подчинения земледельческим государствам, имеют племенную общественную организацию, то вторые являются частью земледельческих социальных организмов и имеют территориальную общественную организацию, сочетающуюся в отдельных случаях с пережитками племенной, но преимущественно в области идеологических представлений.

В своей систематике К. П. Калиновская отказывается от традиционных таксономических понятий «тип» и «форма», справедливо замечая, что ни филологически ни логически нельзя обосновать их иерархическое соотношение. Взамен предлагается терминология, заимствованная из биологической систематики: тип и подтип хозяйства, класс скотоводства, род содержания скота, вид его выпаса. Можно, конечно, спорить, насколько удачно избраны термины, однако несомненно, что предложенная структура классификации является более стройной и логичной. Она позволяет покончить с бесконечными спорами об иерархическом соотношении «типов» и «форм». Кроме того, что весьма существенно, хозяйственная деятельность относится к двум нижним разделам классификации, а выделение класса требует учета всего комплекса социально-экономических и культурных показателей. И это очень важно, так как род и вид ведения хозяйства могут быть практически идентичными и у номадов, и у полуседлого, и у оседлого населения, занимающегося экстенсивным пастбищным скотоводством, тогда как характер функционирования их социальных организмов имеет принципиальные различия.

Единственным недостатком предлагаемой классификации, на мой взгляд, является ее излишняя

генерализованность. В то же время на ее основе вполне возможно создавать более детализированные классификации применительно к различным народам и регионам.

Исследование традиционных обществ Восточной Африки, занимающихся экстенсивным пастбищным скотоводством, позволило К. П. Калиновской прийти к принципиально новому и очень интересному выводу о наличии в Африке двух классов номадизма: «африканского» и «азиатского». Первый характеризуется главным образом полукочевым хозяйством, наличием (наряду с племенной) возрастной организации, а также рядом пережиточных элементов в общественной и духовной жизни, восходящих к эпохе присваивающего хозяйства. Второй — представленный в Восточной Африке северными сомалийцами, афарами, беджа, сахо — аналогичен по всем хозяйственным, социально-экономическим и культурным признакам, а также по специфике социальной организации,номадам Азии.

Совершенно по-новому решает автор ряд кардинальных вопросов социальной организации и социально-экономических отношений. Новизна проявляется уже в самом разделении материала между двумя главами, названными соответственно «Социальные отношения» и «Общественная организация». Разумеется, автор имеет право на собственное видение, однако предложенные определения социальных отношений как совокупности базисных и надстроечных общественных отношений, а общественной организации как совокупности общинной, племенной, возрастной и территориальной организаций традиционных обществ (с. 113) не совпадают с общепринятыми и вызывают ряд вопросов, на которые в книге нет ответов. Не ясно к тому же, чем социальные отношения отличаются от общественных связей, «составляющих функциональную общественную структуру» (с. 113), и в чем необходимость их противопоставления. Ведь социальные отношения и составляют структуру социальной организации. Фактически в главе «Социальные отношения» рассматриваются отношения собственности и формы зависимости и эксплуатации, а в главе «Общественная организация» — система социальных институтов. Не ясной остается и специфика категорий «социальное» и «общественное». В одних случаях, они употребляются как синонимы, в других — явно имеют разную смысловую нагрузку, которая, к сожалению, не раскрывается.

Вместе с тем, исследуя социальные отношения, К. П. Калиновская удачно показывает, что наряду с определенными различиями в уровне и характере развития традиционных обществ Восточной Африки, существовали и некоторые особенности, присущие всем традиционным обществам, а именно экстенсивность социальных отношений, понимаемая автором как неразвитость и застойность, а также такая черта процессов классообразования как большая подверженность внешним влияниям, чем внутренним факторам. Это, кстати, вполне вписывается в современные представления о специфике так называемого вторичного формационного развития, когда процессы классообразования еще не были завершены и отставали от более интенсивно развивавшихся раннеполитических институтов.

Совершенно справедливо К. П. Калиновская делает особый акцент на социальном значении скота и его роли в общественной и ритуальной жизни, посвятив этой теме всю последнюю главу монографии. Ведь у номадов африканского класса и частично оседлого населения, перешедшего в недавнем прошлом от скотоводства к земледелию, скот был не просто потребительской, а прежде всего социальной ценностью, мерилом социального престижа, средством установления родственных и дружеских контактов, широкой сети социальных связей через институт дарения.

Анализ обширных фактических данных позволил автору прийти к достаточно убедительным выводам относительно поземельных отношений. В частности, ею установлено, что независимо от класса, рода и вида скотоводства пастбищная земля находилась в коллективном, причем довольно условном, владении племен и даже народов, в пределах территории которых общины достаточно свободно совершали сезонные перекочевки. И в отношении широко практиковавшегося у «африканских» номадов земледелия действовали общинные правила землепользования. Только в колониальное время стали возникать отношения собственности на отдельные, наиболее плодородные участки земли.

Ряд интересных выводов содержится в разделе о формах зависимости и эксплуатации, в том числе отмечается, что при отсутствии классов и сословий, отношения зависимости имели характер добровольного экономического соглашения. Этот вывод подтверждается данными о сомалийцах, южные земледельческие группы которых находились в зависимости от северных номадов.

К весьма оригинальным выводам приходит автор рецензируемой книги относительно общественной организации «африканских» и «азиатских» номадов, полуоседлых и оседлых традиционных обществ. Ее специфика определялась характером переплетения различных видов общественных связей, особенностями конкретного ХКТ и исторического периода. Так, у «африканских» номадов и полуоседлого населения К. П. Калиновская обнаружила взаимодействие двух главных принципов организации: возрастного и племенного. При этом возрастная организация образует как бы вертикальную хозяйственную и военную структуру, тогда как племенные связи обеспечивают горизонтальную пространственную организацию общества. Интересен анализ динамики общественной организации у тех групп населения, которые перешли от скотоводческой подвижности к оседлости. В ходе такого перехода возрастные и племенные общественные связи постепенно теряют практическое значение, сохраняясь главным образом в области идеологических представлений, а на смену им приходит территориальный принцип организации.

Значительное внимание уделяет К. П. Калиновская возрастным институтам и системе возрастных классов — проблеме, которая уже давно составляет предмет особого внимания исследователя¹. Правда, мешает до конца разобраться в материале несколько произвольное употребление научных категорий, когда одни и те же социально-возрастные институты обозначаются то как возрастные классы, то как возрастные ступени (так автор называет возрастные степени), а различие между возрастными классами и возрастными группами объясняется только в середине книги (с. 154—155).

Да и само объяснение не во всем удовлетворяет, поскольку не ясным остается соотношение с другими социально-возрастными институтами². В связи с этим нельзя не отметить и известную нестрогость в применении социальной терминологии (в отличие от категорий, описывающих понятия скотоводческого хозяйства, сразу и однозначно определенных в начале книги), когда без пояснений используются такие многозначные термины как «клан», «племя», «род», и не ясно, в частности, чем клан отличается от рода, что понимается под племенем и вождеством или почему стадийные типы общины выступают как однопорядковые явления. В результате не всегда понятны специфика и соотношение социальных институтов, а некоторые утверждения вызывают недоумение, например, вывод о том, что «семьи и их группы объединяются в линиджи и кланы» (с. 153). Довольно часто в книге упоминаются патриархально-генеалогические связи. Именно так автор называет социально-родственные отношения, подчеркивая их функциональную взаимосвязь с системой возрастных институтов. Но тогда читатель вправе ожидать детального анализа и сопоставления систем родства как с возрастными классами, так и с другими социальными институтами. Однако эта тема почему-то не разрабатывается.

Разумеется, при многообразии затронутых в книге проблем, трудно ожидать, чтобы все они получили исчерпывающее и бесспорное разрешение. Несомненно, продолжаются дискуссии по поводу типологии скотоводческих обществ и классификации скотоводческого хозяйства. Могут возникнуть разные суждения относительно характера социальных отношений и общественной организации традиционных скотоводческих обществ Восточной Африки. Но в любом случае книга послужит существенным толчком к дальнейшим исследованиям.

Монография К. П. Калиновской, несомненно, является серьезным вкладом в изучение не только традиционных обществ Восточной Африки, но и скотоводческих народов в целом, теоретических проблем номунизма и пастушества, а также закономерностей седентеризации скотоводов-кочевников.

В заключение следует отметить, что в книге К. П. Калиновской исследуется столь широкий круг сложных и дискуссионных проблем, что рассмотреть их все в краткой рецензии не представляется возможным, в связи с чем хочется порекомендовать читателю самому познакомиться с этой книгой.

В. А. Попов

Примечания

¹ Калиновская К. П. Возрастные группы народов Восточной Африки. Структура и функции. М., 1976; *еже*. Категория «возраст» в представлениях некоторых народов Восточной Африки // Африканский этнографический сборник. Вып. XII. Л., 1980; *еже*. Циклические и линейные возрастные системы народов Восточной Африки // там же; *еже*. К проблеме возрастных систем // СЭ. 1981. № 6; *еже*. К характеристике социально-возрастного поколения в возрастных системах народов Восточной Африки // Африканский этнографический сборник. Вып. XIII. Л., 1982; и др.

² Ср.: Попов В. А. Половозрастная стратификация в этносоциологических реконструкциях первобытности (Вместо ответа оппонентам) // СЭ, 1982, № 1, С. 74—76.

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

Н. Х и л л и а р д. *Маорийская девушка. Роман, повесть и рассказы* / Пер. с англ. Сост. А. Петриковская; послесл. Л. Володарской. М., 1987. 368 с.

Выпущенная издательством «Радуга» книга Нозля Хиллиарда — это уже вторая встреча советского читателя с творчеством известного новозеландского прозаика. И можно только посотовать, что встречи эти так редки и запоздалы: от первого перевода рассказов Хиллиарда нас отделяет без малого четверть века, а роман «Маорийская девушка» (гвоздь нынешнего сборника) вышел в свет на родине 27 лет назад. Возможно, в этом и не было бы ничего вопиющего, тем более сейчас, когда в силу особенностей наших дней мы с жадностью открываем в искусстве то, что намеренно прятали от нас десятилетиями. Но известно ведь, что большой временной разрыв в диалоге автора с читателем далеко не всегда проходит без последствий для восприятия художественного произведения. А в случае с Хиллиардом важно учесть и то, что перед нами писатель, тяготеющий к социологизированию, признанный мастер реалистичного психологического письма. Все, о чем он пишет, по обилию точных деталей и достоверных человеческих характеров выказывает в авторе большое знание жизни и позволяет относиться к его произведениям как к надежным документам эпохи. Но именно эта «документальность» прозы Хиллиарда так привязывает ее к определенному времени.

Своих многочисленных героев писатель находит в рабочей и фермерской среде; это всегда люди тяжелого физического труда или представители средних классов. И оказывается, что жизнь новозеландцев — граждан достаточно благополучной страны — густо замешена на проблеме национальных взаимоотношений. Из всех социальных конфликтов внимание автора книги привлекают наиболее серьезные. Нозль Хиллиард множеством граней поворачивает перед читателем классовые и расовые проблемы, показывая, как сложно переплетены они в Новой Зеландии. Взаимодействие «белого» и коренного населения страны, судьбы маори в XX в. — вот основная тема писателя, и вот почему его